

БИБЛИОТЕКА ВСЕМИРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

АНТОН ЧЕХОВ

Рассказы. Повести. Пьесы

АНТОН ПАВЛОВИЧ ЧЕХОВ
В суде

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=176213

Антон Павлович Чехов

В суде

В уездном городе N-ске, в казенном коричневом доме, где, чередуясь, заседают земская управа, мировой съезд, крестьянское, питейное, воинское и многие другие присутствия, в один из пасмурных осенних дней разбирало наездом свои дела отделение окружного суда. Про названный коричневый дом один местный администратор сострил:

– Тут и юстиция, тут и полиция, тут и милиция – совсем институт благородных девиц.

Но, вероятно, по пословице, что у семи нянек дитя бывает без глаза, этот дом поражает и гнетет свежего, нечиновного человека своим унылым, казарменным видом, ветхостью и полным отсутствием какого бы то ни было комфорта как снаружи, так и внутри. Даже в самые яркие весенние дни он кажется покрытым густою тенью, а в светлые, лунные ночи, когда деревья и обывательские домишки, слившись в одну сплошную тень, погружены в тихий сон, он один как-то нелепо и некстати, давящим камнем высится над скромным пейзажем, портит общую гармонию и не спит, точно не может отделаться от тяжелых воспоминаний о прошлых, непрощённых грехах. Внутри всё сарайно и крайне непривлекательно. Странно бывает видеть, как все эти изящные прокуроры, члены, предводители, делающие у себя дома сцены из

за легкого чада или пятнышка на полу, легко мирятся здесь с жужжащими вентиляциями, противным запахом курительных свечек и с грязными, вечно потными стенами.

Заседание окружного суда началось в десятом часу. К разбирательству было приступлено немедленно, с заметной спешкой. Дела замелькали одно за другим и кончались быстро, как обедня без певчих, так что никакой ум не смог бы составить себе цельного, картинного впечатления от всей этой пестрой, бегущей, как полая вода, массы лиц, движений, речей, несчастий, правды, лжи... К двум часам было сделано многое: двоих присудили к арестантским ротам, одного привилегированного лишили прав и приговорили к тюрьме, одного оправдали, одно дело отложили...

Ровно в два часа председательствующий объявил к слушанию дело «по обвинению крестьянина Николая Харламова в убийстве своей жены». Состав суда остался тот же, что был и на предыдущем деле, только место защитника заняла новая личность – молодой, безбородый кандидат на судебные должности в сюртуке со светлыми пуговицами.

– Введите подсудимого! – распорядился председатель.

Но подсудимый, заранее приготовленный, уже шел к своей скамье. Это был высокий плотный мужик лет 55, совершенно лысый, с апатичным волосатым лицом и с большой рыжей бородой. За ним следовал маленький, тщедушный солдатик с ружьем.

Почти у самой скамьи с конвойным произошла маленькая

неприятность. Он вдруг споткнулся и выронил из рук ружье, но тотчас же поймал его на лету, причем сильно ударился коленом о приклад. В публике послышался легкий смех. От боли или, быть может, от стыда за свою неловкость солдат густо покраснел.

После обычного опроса подсудимого, перетасовки присяжных, переключки и присяги свидетелей началось чтение обвинительного акта. Узкогрудый, бледнолицый секретарь, сильно похудевший для своего мундира и с пластырем на щеке, читал негромким густым басом, быстро, по-дьячковски, не повышая и не понижая голоса, как бы боясь натрудить свою грудь; ему вторила вентиляция, неутомно жужжавшая за судейским столом, и в общем получался звук, придававший зальной тишине усыпляющий, наркотический характер.

Председатель, не старый человек, с до крайности утомленным лицом и близорукий, сидел в своем кресле, не шевелясь и держа ладонь около лба, как бы заслоняя глаза от солнца. Под жужжанье вентиляции и секретаря он о чем-то думал. Когда секретарь сделал маленькую передышку, чтобы начать с новой страницы, он вдруг встрепенулся и оглядел посовелыми глазами публику, потом нагнулся к уху своего соседа-члена и спросил со вздохом:

– Вы, Матвей Петрович, остановились у Демьянова?

– Да-с, у Демьянова, – ответил член, тоже встрепенувшись.

– В следующий раз, вероятно, и я у него остановлюсь. Помилуйте, у Типякова совсем нельзя останавливаться! Шум, гвалт всю ночь! Стучат, кашляют, детишки плачут... Невозможно!

Товарищ прокурора, полный, упитанный брюнет, в золотых очках и с красивой, выхоленной бородой, сидел неподвижно, как статуя, и, подперев щеку кулаком, читал байроновского «Каина». Его глаза были полны жадного внимания и брови удивленно приподнимались всё выше и выше... Изредка он откидывался на спинку кресла, минуту безучастно глядел вперед себя и затем опять погружался в чтение. Защитник водил по столу тупым концом карандаша и, склонив голову набок, думал... Его молодое лицо не выражало ничего, кроме неподвижной, холодной скуки, какая бывает на лицах школьников и людей служащих, изо дня в день обязанных сидеть на одном и том же месте, видеть всё те же лица, те же стены. Предстоящая речь его несколько не волновала. Да и что такое эта речь? По приказанию начальства, по давно заведенному шаблону, чувствуя, что она бесцветна и скучна, без страсти и огня выпалит он ее перед присяжными, а там дальше – скакать по грязи и под дождем на станцию, оттуда в город, чтобы вскоре получить приказ опять ехать куда-нибудь в уезд, читать новую речь... скучно!

Подсудимый сначала нервно покашливал в рукав и бледнел, но скоро тишина, общая монотонность и скука сообщились и ему. Он тупо-почтительно глядел на судейские мун-

диры, на утомленные лица присяжных и покойно мигал глазами. Судебная обстановка и Процедура, ожидание которых так томило его душу, когда он сидел в тюрьме, теперь подействовали на него самым успокоивающим образом. Он встретил здесь совсем не то, что мог ожидать. Над ним тяготело обвинение в убийстве, а между тем он не встретил здесь ни грозных лиц, ни негодующих взоров, ни громких фраз о возмездии, ни участия к своей необыкновенной судьбе; ни один из судящих не остановил на нем долгого, любопытного взгляда... Пасмурные окна, стены, голос секретаря, поза прокурора – всё это было пропитано канцелярским равнодушием и дышало холодом, точно убийца составлял простую канцелярскую принадлежность или судили его не живые люди, а какая-то невидимая, бог знает кем заведенная машинка...

Успокоившийся мужик не понимал, что к житейским драмам и трагедиям здесь так же привыкли и присмотрелись, как в больнице к смертям, и что именно в этом-то машинном бесстрастии и кроется весь ужас и вся безвыходность его положения. Кажется, не сиди он смиренно, а встань и начни умолять, вызывать со слезами к милосердию, горько каяться, умри он с отчаяния и – всё это разобьется о притупленные нервы и привычку, как волна о камень.

Когда секретарь кончил, председатель для чего-то погладил перед собою стол, долго шурил глаза на подсудимого и потом уж спросил, лениво двигая языком:

– Подсудимый, признаете ли вы себя виновным в том, что в вечер 9 июня убили вашу жену?

– Никак нет, – ответил подсудимый, поднимаясь и придерживая на груди халат.

Вслед за этим суд торопливо приступил к допросу свидетелей. Были допрошены две бабы, пять мужиков и урядник, производивший дознание. Все они, обрызганные грязью, утомленные пешим хождением и ожиданием в свидетельской комнате, унылые и пасмурные, показали одно и то же. Они показали, что Харламов жил со своею старухой «хорошо», как все: бил ее только тогда, когда напивался. 9-го июня, когда село солнце, старуха была найдена в сенях с пробитым черепом; около нее в луже крови валялся топор. Когда хватились Николая, чтобы сообщить ему о несчастье, его не было ни в избе, ни на улице. Стали бегать по селу и искать, избегали все кабаки и избы, но его не нашли. Он исчез и дня через два сам явился в контору, бледный, оборванный, с дрожью во всем теле. Его связали и посадили в холодную.

– Подсудимый, – обратился председатель к Харламову, – не можете ли вы объяснить суду, где вы находились в эти два дня после убийства?

– По полю ходил... Не евши, не пивши...

– Зачем же вы скрылись, если не вы убивали?

– Испужался... Боялся, чтоб не засудили...

– Ага... Хорошо, садитесь!

Последним был допрошен уездный врач, вскрывавший

покойную старуху. Он сообщил суду всё, что помнил из своего протокола вскрытия и что успел придумать, идя утром в суд. Председатель щурил глаза на его новую, лоснящуюся черную пару, на щегольской галстук, на двигавшиеся губы, слушал, и в его голове как-то сама собою шевелилась ленивая мысль: «Теперь все ходят в коротких сюртуках, зачем же он сшил себе длинный? Почему именно длинный, а не короткий?»

Сзади председателя послышался осторожный скрип сапог. Это товарищ прокурора подошел к столу, чтобы взять какую-то бумагу.

– Михаил Владимирович, – нагнулся прокурор к уху председателя, – удивительно неряшливо этот Корейский вел следствие. Родной брат не допрошен, староста не допрошен, из описания избы ничего не поймешь...

– Что делать... что делать! – вздохнул председатель, откидываясь на спинку кресла. – Развалина... песочные часы!

– Кстати, – продолжал шептать товарищ прокурора: – обратите ваше внимание – в публике, на передней лавке, третий справа... актерская физиономия... Это местный денежный туз. Имеет около пятисот тысяч наличного капитала.

– Да? По фигуре незаметно... Что, голубушка, не сделать ли нам перерыв?

– Кончим следствие, тогда уж.

– Как знаете... Ну-с? – поднял председатель глаза на врача. – Так вы находите, что смерть была моментальная?

– Да, вследствие значительного повреждения мозгового вещества...

Когда врач кончил, председатель поглядел в пространство между прокурором и защитником и предложил:

– Не имеете ли что спросить?

Товарищ, не отрывая глаз от «Каина», отрицательно мотнул головой; защитник же неожиданно зашевелился и, откашлявшись, спросил:

– Скажите, доктор, по размерам раны можно ли бывает судить о... о душевном состоянии преступника? То есть я хочу спросить, размер повреждения дает ли право думать, что подсудимый находился в состоянии аффекта?

Председатель поднял свои сонные, равнодушные глаза на защитника. Прокурор оторвался от «Каина» и поглядел на председателя. Только поглядели, но ни улыбки, ни удивления, ни недоумения – ничего не выражали их лица.

– Пожалуй, – замялся врач, – если принимать в расчет силу, с какой... э-э-э... преступник наносит удар... Впрочем... извините, я не совсем понял ваш вопрос...

Защитник не получил ответа на свой вопрос, да и не чувствовал в нем надобности. Для него самого ясно было, что этот вопрос забрел в его голову и сорвался с языка только под влиянием тишины, скуки, жужжащей вентиляции.

Отпустив врача, суд занялся осмотром вещественных доказательств. Первым был осмотрен кафтан, на рукаве которого темнело бурое кровавое пятно. О происхождении этого

пятна спрошенный Харламов показал:

– Дня за три до смерти старухи Пеньков своей лошади кровь бросал... Я там был, ну, известно, помогавши, и... и умазался...

– Однако Пеньков показал сейчас, что он не помнит, чтобы вы присутствовали при кровопускании...

– Не могу знать.

– Садитесь!

Приступили к осмотру топора, которым была убита старуха.

– Это не мой топор, – заявил подсудимый.

– Чей же?

– Не могу знать... У меня не было топора...

– Крестьянин одного дня не может обойтись без топора.

И ваш сосед, Иван Тимофеич, с которым вы починяли сани, показал, что это именно ваш топор...

– Не могу знать, а только я, как перед богом (Харламов протянул вперед себя руку и растопырил пальцы)... как перед истинным создателем. И время того не помню, чтобы у меня свой топор был. Был у меня такой же, словно как будто поменьше, да сын потерял, Прохор. Года за два перед тем, как ему на службу идтить, поехал за дровами, загулял с ребятами и потерял...

– Хорошо, садитесь!

Это систематическое недоверие и нежелание слушать, вероятно, раздражили и обидели Харламова. Он замигал гла-

зами и на скулах его выступили красные пятна.

– Как перед богом! – продолжал он, вытягивая шею. – Ежели не верите, то извольте сына Прохора спросить. Проща, где топор? – вдруг спросил он грубым голосом, резко повернувшись к конвойному. – Где?

Это было тяжелое мгновение! Все как будто присели или стали ниже... Во всех головах, сколько их было в суде, молнией блеснула одна и та же страшная, невозможная мысль, мысль о могущей быть роковой случайности, и ни один человек не рискнул и не посмел взглянуть на лицо солдата. Всякий хотел не верить своей мысли и думал, что он ослышался.

– Подсудимый, говорить со стражей не дозволяется... – поспешил сказать председатель.

Никто не видел лица конвойного, и ужас пролетел по зале невидимкой, как бы в маске. Судебный пристав тихо поднялся с места и на цыпочках, балансируя рукой, вышел из зала. Через полминуты послышались глухие шаги и звуки, какие бывают при смене часовых.

Все подняли головы и, стараясь глядеть так, как будто бы ничего и не было, продолжали свое дело...